

На правах рукописи

Пятшева Елена Николаевна

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
МОНОГОРОДОВ РОССИИ**

Специальность 5.4.4 – Социальная структура, социальные
институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном
бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

Научный
руководитель: Тощенко Жан Терентьевич, член-
корреспондент РАН, доктор философских
наук, профессор, заведующий кафедрой
теории и истории социологии ФГБОУ ВО
«Российский государственный
гуманитарный университет» (ФГБОУ ВО
«РГГУ»)

Официальные
оппоненты Маркин Валерий Васильевич, доктор
социологических наук, профессор
Руководитель центра региональной
социологии и конфликтологии Института
социологии ФНИСЦ РАН
Морковкин Дмитрий Евгеньевич,
кандидат экономических наук, доцент
Департамента экономической теории
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве РФ»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Тюменский
индустриальный университет»

Защита состоится 29.03.2022 г. в 14-00 часов на заседании
диссертационного совета 24.2.366.04 на базе ФГБОУ ВО
«Российский государственный гуманитарный университет» по
адресу: 125047, Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6, корп. 6, Зал
Ученого совета РГГУ

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной
библиотеке РГГУ по адресу: 125047, ГСП-3, Москва, Миусская пл.,
д. 6 и на официальном сайте организации по адресу: www.rsu.ru

Автореферат разослан «14» февраля 2022 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат социологических наук

Тартыгашева Г. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Города, в отличие от других поселений, являются более высокой формой организации среды обитания человека. Города возникали как символы власти, как центры обеспечения транспортных связей, располагаясь на пересечении крупных торговых путей, как центры торговли, портовые города, оборонительные города-крепости, центры освоения природных ресурсов (результат индустриализации). Развитие общественных отношений через духовную и материальную деятельность способствовало концентрации урбанизации и увеличению значимости городов в жизни общества. Привлекая население как самого города, так и близлежащих территорий, города развивались на протяжении столетий, диверсифицируя свои функции.

На этапе индустриального развития появился специфический вид городов - моногорода. Российские моногорода – это отражение дифференциации экономического развития с учётом спланированных акций государства по решению актуальных научных и производственных, в т.ч. военно-промышленных проблем. Они создавались под проект и как правило искусственным путём для выполнения единственной функции – развития производства, тем самым углубляя монофункциональность. Поэтому любые риски по реализации единственной (базовой) функции влекут негативные последствия для населения моногородов.

Причины их возникновения на территории России разные. Первостепенно они проявляются в уникальности географо-экономических особенностей, в том числе природных богатств (полезных ископаемых), многообразия целей и задач развития национальной экономики и специфики территорий, и нередко без учёта социальной структуры и особенностей населения этих территорий.

На начальном этапе развития советской экономики преобладала их сырьевая направленность, что выразилось в значительном росте моногородов, что положительно сказывалось в экономическом освоении территорий в российской глубинке, способствовало рациональному и эффективному использованию трудовых, природных, энергетических, финансовых ресурсов. В

целом в 1930-1980 гг. жизнеспособность и экономическое развитие моногородов не вызывало проблем, потому что их функционирование было составной частью социально-экономической стратегии развития страны.

Однако развитие многих моногородов в новой России претерпевает серьёзные трудности, значительная их часть практически прекратила своё существование и/или находится в состоянии деградации. Другая часть имеет некоторые резервы для своего частичного функционирования или план по перестройке своего хозяйственного организма. Третья часть после кризисных 1990-х годов постепенно сохранила, приобрела новую нишу в изменившихся экономических условиях. Но перед всеми моногородами помимо сугубо производственных, технических и технологических проблем остро стоит социальная проблема дальнейшего существования, развития, и даже выживания, что прямо влияет на жизненный мир населения этих городов, организацию их повседневной жизни, трудовую мобильность, благополучие, качество и уровень жизни, их будущее.

В настоящее время в российских моногородах проживает около десятой части населения России. Они являются важнейшим структурным элементом общегосударственной и региональной экономики, устойчивое развитие которой невозможно без обеспечения их эффективного функционирования. Монопрофильность – это высокая степень зависимости от одной из отраслей промышленного производства и/или целей научно-технической деятельности, эффективность функционирования которых влияет на занятость и дальнейшее благополучие населения. Поэтому развитие моногородов тесно связано с текущей конъюнктурой в современной российской экономике. Эта зависимость одновременно увеличивает риски получения гарантированного дохода города и его жителей, поскольку формируется прямая связь между положением дел на производстве и благополучием населения.

Развитие и функционирование моногородов как социальной структуры сегодня является комплексной проблемой, так как от их существования зависит не только экономические показатели той или иной отрасли, но и судьбы миллионов людей, как в настоящее время, так и в будущем.

Таким образом, научный и практический интерес к социально-экономическим проблемам развития моногородов России обусловлен тем, что негативные процессы в них проявляются наиболее остро, так как более чутко реагируют на колебания внешней среды. В условиях экономической нестабильности градообразующее предприятие из источника жизнедеятельности и развития нередко превращается в источник угроз для всего населения моногорода.

Степень научной разработанности проблемы

Проблемное поле функционирования городов в разных фазах их развития активно изучается не одно десятилетие; свой вклад в этой области внесли урбанисты, экономисты, географы, рассматривающие их с самых разных позиций – социальных, демографических, экономических, географических и др.

История развития городов показывает постоянную трансформацию новых отношений и связей, разрушающих прежние жизнеустройство. С самого начала город - центр, увеличивающийся в формирующихся и постепенно все усложняющихся социально-экономических структурах.

Социальной подход к изучению городов сводится к редукции мнения архитектора Л.Н. Куната, в основе решения проблем развития города должна лежать формула «человек – для него город».¹

В рамках географического подхода начиная с XIX в. ставили вопросы развития городов А.Г. Гранберг², Г.М. Лаппо³, Л.И. Мечников⁴, Ф. Ратцель⁵, К. Хаусхофер⁶, Е.Н. Перцик⁷, Ю.Г. Саушкин⁸, А.Ф. Филиппов⁹, Р. Хоули¹⁰.

---

¹ Кунат Л.Н. Жилищно-коммунальные проблемы города. М.: Проспект. 2009.

² Гранберг А. Г. Особенности докризисных сценариев социально-экономического развития РФ и её регионов // Оптимизация территориальных систем. ИЭОПП СО РАН.: Новосибирск, 2010. Гл. 9.1. С. 204-206.

³ Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997.

⁴ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Пангея, 1995.

⁵ Аксёнов К. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области/ СПб.: Петрополис, 1993. С.144.

В рамках социологического подхода, социальное пространство и социальная реальность развития городов рассматривали как основной элемент их структурирующей П. Бурдьё¹¹, Н. Бреннер¹², А. Вебер¹³, В.Г. Виноградский¹⁴, И. Гофман¹⁵, Г. Ганс¹⁶, С.П. Земцов¹⁷, Г. Зиммель¹⁸, П. Кругман¹⁹, А. Лефевр,²⁰ В.В. Маркин²¹, В.Г. Черников²², Ж.Т. Тощенко²³.

---

⁶ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

⁷ Перцик Е. Н. География городов (геоурбанистика). М., 1991.

⁸ Саушкин Ю.Г. Проблемы взаимодействия экономической и социальной географии с социально-экономической картографией // Вестник МГУ, серия геогр. 1981.

⁹ Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. №1. С.45-69.

¹⁰ Healey P. Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies. 2nd ed. London: Macmillan Press, 2005.

¹¹ Bourdieu P. Sociology in Question London: Sage, 1993.

¹² Brenner N. The limits to scale? Methodological reflections on scalar structuration / N. Brenner // Progress in Human Geography. 2001/ № 5 (24). P. 89-111

¹³ Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

¹⁴ Виноградский В.Г. Социальная организация пространства: Философско-социологический анализ. М.:1988.

¹⁵ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Кучково поле, 2000.

¹⁶ Gans H.J. Some Problems of and Futures for Urban Sociology: Toward a Sociology of Settlement // City& Community. 2009.

¹⁷ Земцов С.П., Климанов В.В., Бугаева Е.А. Приоритеты пространственного развития Томской области. Регион: экономика и социология. 2016. Том 9 № 2. С. 42-61.

¹⁸ Зиммель Г. Венеция. М.: Логос, 2002.

¹⁹ Fujita M., Krugman P. R., Venables A. The spatial economy: Cities, regions, and international trade. – Cambridge, Massachusetts: MIT press, 2001.

²⁰ Рязанцев И.П. Социально-экономические отношения «регион-центр»: теория, методология, анализ. М.: Изд-во МГУ, 1998.

²¹ Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики: [монография] / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин [и др.]; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин; предисл. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 523 с.

²² Черников В. Г. Общественное пространство: социально-философский анализ // Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984.

В качестве одного из критериев в рамках социологического подхода, было выделено благополучие, качество жизни и социальное самочувствие населения моногородов, где проанализирована степень удовлетворённости горожан, выделены важнейшие элементы жизнедеятельности и основные социальные проблемы (Е.Н. Бочканова²⁴, В.М. Бехтерева,²⁵ П.П. Викторова²⁶, Р. Венхувен²⁷, Л. Гутман, Н.В. Губина²⁸, Ф. Т. Джастер²⁹, Н.В. Дулина³⁰, Э. Дейнер³¹, Р. Инглхарт³², М.Н. Игнатъев³³, Р. Истерлин³⁴, Р. Лаярд³⁵, Ш. Леви³⁶, А. Михалос³⁷, Н.В. Рудакова³⁸,

---

²³ Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2016.

²⁴ Бочканова Е. Н. Социальное самочувствие горожан — ориентир муниципальной социальной политики. Известия Уральского государственного университета. 2007. №51. С.29-36

²⁵ Бехтерев В.М. Объективная психология. М.: Наука, 1991.

²⁶ Викторов П.П. Учение о личности и настроениях. М.: Книжное Дело, 1904.

²⁷ Veenhoven R. Sociology's blind eye for happiness // Comparative sociology. 2014.

²⁸ Губина Н.В. Уровень проблемности жизни как показатель социального тонаса // Социологические исследования. 2006, № 9, С.122-126

²⁹ Juster F. T. A Conceptual Framework for the Analysis of Time Allocation Data / F. T. Juster P.N. Courant, G.K. Dow. // Time, Goods, and Well-Being / F. T. Juster F.P. Stafford (Eds.). - Ann Arbor, Mich.: Institute for Social Research/University of Michigan, 1985.

³⁰ Дулина Н.В. Жизненное пространство крупного города в восприятии его жителей. Волгоград, 2004.

³¹ Diener E. Subjective Well-being /E. Deiner // Psychological Bulletin. 1984.

³² Давыдов Д.А. Концепция пост материализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018.

³³ Игнатъев М.Н. Социальное самочувствие населения моногородов: социологический анализ на примере Кемеровской области. Саранск, 2013.

³⁴ Easterlin R.A. Does Money Buy Happiness? /R.A. Easterlin // The Public Interest. 1973.

³⁵ Layard R. Happiness /R. Layard. - London: Penguin, 2005.

³⁶ Levy S. On the Multivariate Structure of Wellbeing /S. Levy, L. Guttman // Social Indicators Research. 1975.

³⁷ Michalos A. C. Multiple discrepancy theory /A.C. Michalos // Social Indicator Research. 1985.

Б.Д. Парыгин³⁹, Л.И. Петражицкий⁴⁰, Б.С. Фрей⁴¹, Дж. Хелливелл⁴², М. Хадлер и М. Холлер⁴³, К.В. Харченко⁴⁴, Ф.М. Эндрюс⁴⁵ В.А. Ядов⁴⁶).

Количественный подход связан с концентрацией людей на определённой территории (К. Бюхер⁴⁷, Л. Вирт⁴⁸, Э. Дюркгейм⁴⁹, Р. Парк и Э. Берджесс⁵⁰; Ю.А. Симагин⁵¹, О.В. Терещенко⁵², Б.С. Хорев⁵³).

---

³⁸ Рудакова Н.В. Уровень жизни горожан как критерий эффективности муниципального управления // Социология. 2005. № 3-4. С.63-72.

³⁹ Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966.

⁴⁰ Петражицкий Л.И. Основные положения эмоциональной теории эстетических и этических явлений. Два вида обязанностей и норм // Социология в России XIX-начала XX вв.: М., 1997.

⁴¹ Frey B.S. Happiness, economy and institutions / B.S. Frey, A. Stutzer // Economic Journal. 2000.

⁴² Helliwell J.F. How's life? Combining individual and national variables to explain subjective well-being / J.F. Helliwell // Economic Modelling. 2003.

⁴³ Haller M. How Social Relations and Structures Can Produce Happiness and Unhappiness: An International Comparative Analysis / M. Haller, M. Hadler // Social Indicators Research. 2006.

⁴⁴ Харченко К.В. Удовлетворённость: методология и опыт муниципальных исследований. М.: АЛЬПЕРИЯ, 2011, С. 124-172

⁴⁵ Andrews F.M. The Structure of Subjective Well-being in Nine Western Societies / F.M. Andrews, R.F. Inglehart // Social Indications Research. 1979.

⁴⁶ Ядов В.А. Удовлетворённость работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования. Социологические исследования. 1974. № 1. С.78-87

⁴⁷ Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Петроград, 1918.

⁴⁸ Wirth L. Urbanism as a way of life // American Journal of Sociology. 1938.

⁴⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

⁵⁰ Park R.E. Burgess E W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1921.

⁵¹ Симагин Ю.А. Посёлки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: ИСЭПН, 2009.

⁵² Терещенко О.В., Высоцкая Н.В. Типологический анализ демографического развития городов Западной Сибири // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991.

⁵³ Хорев Б.С. Территориальная организация общества. М.: Мысль, 1981.

Комплексный подход включает специфику социально-экономических функций моногородов и её роль в национальном экономическом пространстве в современных условиях (Е.Г. Анимиаца⁵⁴, Н.Ю. Власова⁵⁵, Глазычев В.Л.,⁵⁶ З.П. Замараева,⁵⁷ Н.В. Зубаревич,⁵⁸ В.Л. Каганский⁵⁹, А.Е. Когут⁶⁰, И.В. Липсиц и Е.М. Петрикова⁶¹; И.А. Медведева⁶², Ю.Л. Пивоваров⁶³, А.И. Трейвиш⁶⁴, А.Ю. Устинов.⁶⁵

Проблемы социально-экономического развития моногородов России в рамках экономического подхода, стратегического управления и ответственности градообразующих предприятий рассматривали в научных исследованиях с различных

---

⁵⁴ Анимиаца Е.Г., Новикова Н.В. Проблемы и перспективы развития моногородов России. Управленец №1-2 (28-29) 2009. С. 46-51.

⁵⁵ Тургель И.Д. «Вторые» города Урала: от города-завода – к многофункциональным центрам // Региональные исследования. 2016. № 2 (52). С. 43-54.

⁵⁶ Глазычев В.Л., Гольц Г.А., Карпов С.П. Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995.

⁵⁷ Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения. :Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. С. 6-12.

⁵⁸ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010, С.82-83.

⁵⁹ Геополитическое положение России: представление и реальность. М.: Арт-Курьер, 2000.

⁶⁰ Когут А.Е., Рохчин В.С. Информационные основы регионального социально-экономического мониторинга. СПб.: ИСЭП РАН. 1995.

⁶¹ Петрикова Е.М. Комплексная инвестиционная программа экономики моногорода // Региональная экономика: Теория и практика. 2010. № 43 (178). С. 19-32.

⁶² Медведева И.А., Старовойтов М.К., Старовойтова Е.В., Гаврилова О.А. Стратегия эко-реурбанизации для моногородов. Вестник КемГУ. 2018 №3. С.113-117

⁶³ Пивоваров Ю.Л. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. Журнал социальных исследований. 2012, № 3, С. 135-138.

⁶⁴ Трейвиш А.И. Экономические сдвиги и связи в постсоветском пространстве: проблемы дезинтеграции и реинтеграции // Известия РАН, сер. геогр., 2000а, № 3. С. 9-22.

⁶⁵ Устинов А.Ю. Теоретико-методические аспекты классификации моногородов //Вопросы управления. 2012. Выпуск 21.

позиций К.Э. Аксенов⁶⁶, П.Я. Бакланов⁶⁷, М.Л. Белоножко⁶⁸, М.Г. Ганопольский⁶⁹, А.С. Гаврин⁷⁰, Е.Е. Горяченко⁷¹, М. А. Гурьева⁷², Н.С. Дягилева⁷³, Б.С. Жихаревич⁷⁴, И.Н. Ильина⁷⁵, Ю.А. Карпова⁷⁶, Н.И. Крысин⁷⁷.

Становится очевидным, что без города не будет городского социума, по мнению Б. Вальденфельса городской социум представляет собой нечто большее, чем собрание построек

---

⁶⁶ Аксёнов К.Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области // СПб.: Петрополис, 1993. С.144.

⁶⁷ Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятия, структура, подходы к выделению. // Региональные исследования. 2014. №3 (45). С. 12-19.

⁶⁸ Белоножко М. Л., Силин А. Н., Барбаков О. М., Гюрджинян А. С. Социальные проблемы в самооценках населения арктической зоны России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 112-117.

⁶⁹ Ганопольский М.Г. Социология расселения: Тюменский вариант. Экономическая социология, демография и социальная экология № 8. 2012. С. 170-175.

⁷⁰ Гаврин А.С. Социальное управление северным городом: Детерминанты, модели, механизмы. Диссертационное исследование. 2001.

⁷¹ Горяченко Е.Е., Моисеенко Н.Л. Городская агломерация как элемент социально-территориальной структуры общества.: ЭКО. 2014, № 5. С. 56-67

⁷² Гурьева М.А. Взаимообусловленность понятий «зелёная экономика», устойчивое развитие, экологическое развитие экономического пространства «Глобальный научный потенциал» научно-практический журнал № 5(62) 2016. С. 46-55

⁷³ Дягилева Н.С., Журавлева Л.А., Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования. Социология города № 1. 2012. С. 46-61.

⁷⁴ Жихаревич Б.С. Стратегии малых городов: территория творчества. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2016. С. 15-36.

⁷⁵ Ильин И.Н. Быт и бытие молодёжи российского мегаполиса. Социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб: Интерсоцис, 2007.

⁷⁶ Карпова Ю.А. Социальные процессы и парадоксы инновационного развития. Философские науки. 2012;(8):76-85.

⁷⁷ Белоножко М.Л., Крысин Н.И. Специфика управления монопрофильными городами Тюменского Севера // Социологическое исследование. 2002. № 7. С. 87-91

специального назначения и линий движения транспорта, город – пространство, определяющее общение с близкими и чужими людьми⁷⁸, а вот без социума город вполне может существовать, поэтому в каждом поколении можно увидеть города – призраки - Агдам, Боди, Детройт, Карабах, Помпеи, Припять, Синьян, Кадыкчан, Хальмер-Ю, Шураб, Фамагуста, Чайтен, которые относятся к категории моногородов.

Оценивая степень разработанности проблемы в целом, следует отметить недостаточность углублённых разработок социально-экономической сущности феномена моногородов, особенно проблем социального и культурного развития. Представляется необходимым провести критический анализ сложившегося противоречивого положения моногородов и их населения в современной России, что определило цель и задачи исследования.

Объектом диссертационного исследования являются моногорода России.

Предметом исследования выступает совокупность социально-экономических и социально-культурных проблем развития российских моногородов.

Целью диссертационного исследования является выявление основных тенденций и особенностей социально-экономического и социально-культурного развития российских моногородов в условиях современных экономических и политических преобразований.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

1. определить научные понятия, используемые для анализа процессов создания, развития и функционирования моногородов;
2. проанализировать генезис идей о моногородах;
3. предложить классификацию моногородов, раскрыть их функциональную модель развития;

---

⁷⁸ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социологос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. // М.: Прогресс, 1991. С. 48-49.

4. рассмотреть и провести оценку трудовых ресурсов и трудовой мобильности моногородов;
5. выявить и оценить уровень социального благополучия населения моногородов;
6. проанализировать социально-культурные проблемы жителей моногородов.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования стали труды российских и зарубежных учёных в области социологии, экономики, экономической теории, философии, посвящённые оценке и анализу социально-экономического развития моногородов, как особого социально-экономического и исторического феномена.

В процессе диссертационного исследования применялись комплексный, логический и сравнительный анализ, методы вторичного анализа, группировок и обобщения результатов социально-экономических исследований, контент-анализ.

Достоверность результатов проведённого анализа, теоретическую и практическую обоснованность основных выводов и положений диссертационной работы обеспечили методы количественного и качественного исследования:

– эксперт-опрос специалистов (за 2008-2010 гг. и 2016-2019 гг.), имеющих непосредственное отношение к управлению на государственном и муниципальном уровне, определяющих пути развития моногородов, а также анализирующих социально-экономические, социокультурные процессы жизнедеятельности моногородов в СМИ. Данный выбор определялся необходимостью выявления компетентного мнения о проблемах развития моногородов в условиях происходящих экономических и политических преобразований;

– анализ результатов социальных мониторингов и экспертно-аналитических мероприятий по проблематике диссертационной работы в 2008-2020 гг. (Минэкономразвития, Фонда развития моногородов, Счётной Палаты РФ, Экспертного института социологических исследований, Союза российских городов, аналитического агентства RWAY);

- социологический опрос населения моногородов, включая аналитические отчёты, мнения горожан о результатах удовлетворённости качеством жизни (данные социологических

исследований Норильска, Нижнего Тагила, Нерюнгри, Пикалево, Чебаркуля и Череповца за 2016-2020 гг.).

Эмпирическую базу исследования составили публичные источники информации и статистические данные Росстата, Минтруда, Минэкономразвития, Росприроднадзора, Фонда развития моногородов, центров занятости населения, отчёты об итогах социально-экономического развития моногородов, результаты социологических исследований и опросов за период 2002-2020 гг.

Совокупность анализируемых городов составила 319 моногородов. Выборка включает 6 моногородов трёх категорий: динамично развивающиеся (стабильные), с рисками ухудшения, сложные.

В диссертации используется 11 критериев, характеризующих состояние моногородов на основе системного анализа (предложенной комплексной классификации), которые используются при зональности их ранжировании, в основном за 12-13 лет (2008-2020 гг.), а также данные по изменению численности населения моногородов - за 41 год (1979-2020 гг.).

Эти данные послужили основой для следующего этапа, на котором проводился детализированный анализ 6 моногородов: Норильск, Нерюнгри, Нижний Тагил, Пикалево, Чебаркуль, Череповец за 12 лет (2008-2019 гг.), по выделенным 11 критериям, а также зонирование выбранных моногородов на основании сводных показателей демографических и трудовых ресурсов по 8 критериям, социально-экономического положения по 23 критериям.

Научная новизна диссертационного исследования отражена в **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Установлено, что формирование моногородов в России прекратилось в конце XX в., а функционирование существующих моногородов России изменилось под воздействием социально-экономической политики, которая привела эти моногорода к различным траекториям их развития. Автором предложена новая модель, где проблемное поле функционирования моногородов можно сегментировать в зависимости от степени деформации связей разного уровня и их экономических, административных и социальных последствий;

2. Развивая существующие прикладные подходы к разработке научных определений моногорода, в диссертационном

исследовании автором предложены следующие критерии, позволяющие учесть комплексный характер моногородов:

- Моногород - обособленный населённый пункт, функционирующий за счёт градообразующего предприятия (организации), от экономической и технологической базы которого зависит качество и уровень жизни горожан, а также развитие его в целом. Это особый тип организации, которому присущи моноцентричный тип экономики, единство города и градообразующего предприятия, обусловленное выполнением общественно значимой роли по решению как производственных задач, так и по обеспечению полноценной жизни его жителей.

- Выделены факторы трёх уровней связей, структурирующих моногород:

Факторы 1 уровня – экономические связи, включают в себя весь комплекс производственно-хозяйственных отношений между градообразующим предприятием и его контрагентами;

Факторы 2 уровня – административные связи, включают в себя проблемы, возникающие между муниципалитетами и градообразующими предприятиями;

Факторы 3 уровня – социальные связи, включают в себя весь спектр проблем социальной, культурной, трудовой и повседневной жизни.

3. Установлено, что в России сформировались разные типы моногородов, которые можно классифицировать по величине и численности населения (малые, средние, большие и крупные), по уровню социально-экономического развития (высокий, средний, ниже среднего, низкий), по зонам зависимости от социально-экономического положения (стабильные, с рисками ухудшения, сложные), по отраслевой принадлежности (металлургия, машиностроение, деревообработка, пищевая, химическая промышленность и т.д.) и специфике (промышленные и научные), по степени удалённости (удалённые и близлежащие), в зависимости от факторов жизни обеспеченности моногородов (градообслуживающие и градообразующие), в зависимости от статуса градообразующих предприятий (государственные и негосударственные). Предложен авторский подход комплексной классификации моногородов на основе выделенных критериев ранжирования моногородов по зонам с использованием выборки моногородов – динамично развивающихся (Норильск, Нижний

Тагил), проблемных (Нерюнгри, Чебаркуль), сложных (Пикалево, Череповец).

4. Выявлено, что из 1800 моногородов в СССР в 1990 г. (с населением около 36 млн чел.) в 2014-2020 гг. их осталось 319 (население около 13,4 млн чел.), что негативно отражается на динамике естественного и миграционного прироста, занятости трудовых ресурсов, трудовой мобильности и коэффициенте напряжённости на рынке труда (уровень безработицы в моногородах выше на 20% чем в среднем по России, что подчёркивает зависимость моногородов от разрыва связей 1-3 уровней).

5. Определено, что социально-экономическое положение населения моногородов (уровень доходов, услуг ЖКХ, обеспеченность жильём, услугами по дошкольному и общему образованию, культуре, спорту) зависит в большей степени не от принадлежности к зональности, а от разрыва связей 1-3 уровня, который оказывает влияние на благополучие, качество и уровень жизни населения моногородов.

Научная и практическая значимость результатов исследования заключается в выявлении текущей функциональной модели социально-экономического развития моногородов в России на основе анализа связей 1-3 уровней, которая может быть использована при изучении проблем устойчивого развития моногородов, а также для разработки планов/программ их развития.

Апробация работы. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования были представлены автором на научных конференциях XIV-XXI Чаяновских чтений в 2014-2021 гг.: «Экономика города: новые уровни развития» (Москва, 2014), «100-летие русской революции: социально-экономические итоги и перспективы развития России в XXI в.» (Москва, 2017), «Экономика России: стратегические задачи и пути их решения» (Москва, 2018), «Экономика России: новые реалии и перспективы развития» (Москва, 2019), «Экономика России: новые реалии и стратегии развития» (Москва, 2020), «Экономика постковидного периода: проблемы и перспективы» (Москва, 2021).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Московского государственного гуманитарного университета.

Результаты исследования отражены в 16 научных публикациях общим объёмом 7,325 п. л., в том числе три из них в изданиях, включённых в Перечень рецензируемых изданий ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, включающих 6 разделов, заключения, библиографии, насчитывающей 210 источников и литературы, 8 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность избранной темы исследования, характеризуется степень научной разработанности проблемы и положения, выносимые на защиту, определены цель и задачи работы, аргументируется научная новизна, сформулированы теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

В первой главе **«Теоретические и методологические основы исследования социально-экономического развития моногородов»** дан анализ понятийного аппарата, рассмотрен генезис идей о создании моногородов, выявлены причины и специфика возникновения и развития моногородов России, определена классификация моногородов и раскрыта их функциональную модель.

В параграфе 1.1 – **«Особенности формирования научной терминологии, характеризующей моногород»** рассмотрены основные подходы к определению города: социологический, географический, количественный, функциональный, законодательный, экономический, статистический, градостроительный и комплексный, согласно которым город - явление объективное в организации, функционировании и развития, определённого по своему содержанию и социокультурной характеристике социальных сообществ и социально-профессиональных групп при всей сложности и многообразии их исторических изменений.

Город представляет собой сконцентрированное социально-территориальное поселение людей, занятых неоднородными видами трудовой деятельности и имеющих специфический образ жизни. Структурными элементами города являются социокультурные сообщества и динамика отношений между ними: функциональный профиль города может меняться, а население остаётся. При этом

меняется тип сообществ и характер отношений между ними. Город – это, прежде всего, горожане, а не здания, производственно-экономические процессы, структура управления, в частности.

К монофункциональным городам, появившимся в большом количестве в период индустриализации СССР (1920-1935 гг.) и дальнейшего послевоенного развития (1950-1980 гг.) можно отнести – военные, заводские, фабричные и шахтёрские города, наукограды, где акцент делался на природно-географическое расположение, близость полезных ископаемых, климатические условия, тем самым ограничивая основные функции города, поэтому они в последствии получили название – моногорода.

В этом и заключается существенное различие в определении между городом и моногородом, т.к. в моногороде всегда выделена одна функция - экономическая составляющая, доминирующая над социальной, подчёркивающая зависимость населения моногорода от функционирования градообразующего предприятия.

Любой город, в том числе и моногород с точки зрения классической социологии – это специфический тип территориальных социальных общностей, среди которых особое место занимают целевые общности, именуемые организациями.

В моногороде, как в территориальной общности такого типа можно выделить только одну значимую организацию – градообразующее предприятие, которая может рассматриваться в качестве основного социально-экономического фактора.

Проведён анализ различных трактовок моногородов, рассмотрено 12 определений, которые сводятся к тому, что моногород – это особый тип социально-экономической организации, которой присущи – моноцентричный тип экономики, желаемое единство города и градообразующего предприятия, обусловленное выполнением общественно значимой роли в пределах города.

В рамках социологического подхода И.В. Манаева определяет моногород как моноцентричный город по отношению к преобладающей сфере занятости, сфере деятельности трудоспособного населения. Мы придерживаемся данного определения моногорода, хотя и неполного.

Второй подход отражает позицию А.Г. Гранберга, Е.М. Петриковой, И.В. Липсиц, которые определяют моногорода по принципу одного градообразующего предприятия.

Третий подход обоснован в работе И.Д. Тургель, которая определяет моногорода по уровню дифференциации отраслевой структуры производства и занятости.

Четвёртый подход определяет моногорода по сети технически связанных предприятий вокруг крупного градообразующего предприятия и представлен в работах А.А. Нецадина и Н. Горина.

Ещё один подход к определению моногорода исходит из доминирования одной отрасли или технологической цепочки предприятий на один рынок в рамках единого производственно-технологического процесса, расположенного в моногороде, что нашло отражение в работах А.Н. Ряховской, Г.Е. Кузнецовой, А.Н. Масловой и экспертов Министерства экономического развития.

Шестой подход подчёркивает взаимосвязь между монопрофильным/градообразующим предприятием и уровнем жизни населения, определяя прямую зависимость рыночной перспективы градообразующего предприятия, существенно влияющего на судьбу моногорода, которого придерживаются эксперты «Союза российских городов» и аналитического агентства RWAY.

Раскрыто содержание термина моногорода зарубежными авторами, которые использовали термин город-завод (Х. Грин, О. Диниус, Л. Карлсон, Б. Паул, К. Тони, Ч. Флойд, К. Эхсани), город одной отрасли (М.Л. Аллистер, Энн-Мари, М. Хиней, Дж. Питбладо), шахтёрские города (Л. Дигнард, Д. Бритт, Д. Лидбитер, Д. Магилл).

Приведены критерии моногородов, определяемые законодательством и нормативно-правовыми актами за период 2002-2020 гг.

В параграфе 1.2 - «Генезис моногородов», рассмотрены идеи зарождения и создания городов, в т.ч. прообразов моногородов, начиная с XII в. и до настоящего времени.

В начальный период возникновения России многие города вполне соответствовали современным критериям моногорода - зависимость от единственного «предприятия» - добыча ископаемых, промысел, солеварение и т.д. (Вологда, Сольвычегодск). Другие города создавались на пересечении торговых, речных и морских путей или возводились как военно-оборонительные крепости, обособленные остроги, форт-посты

(Устюг), хотя впоследствии дальнейшее развитие могло пойти разными путями.

Расцвет текстильной и лёгкой промышленности, народных промыслов XIX в. в России нуждался в дополнительных трудовых ресурсах, что обуславливало переселение крестьянских семей и образование городских поселений (Гусь Хрустальный, Гжель, Красновишерск, Павлов Посад, Семенов Шуя). Это период связан с развитием процесса урбанизации в России, когда происходит значительный рост городского населения, где кроме изменений в структуре расселения, урбанизация меняет и социально-экономическую жизнь общества.

Образованию другой категории моногородов способствовало строительство Транссибирской магистрали в XIX в. Они обеспечивали строительство и эксплуатацию стратегически важных государственных объектов и давали возможность реализации намеченных государственных программ (Аша, Ирбит, Карабаш).

В период советской индустриализации страна наращивала промышленный потенциал и устраняла технико-экономическую отсталость, развивая оборонно-промышленный комплекс. Мобилизационный характер экономики и урбанистическая политика СССР при использовании подневольного труда (сил заключённых) обусловили рост промышленных моногородов и их показателей (Апатиты, Воркута, Дудинка, Инта, Магнитогорск, Медногорск Новокузнецк, Норильск). В период Великой Отечественной войны моногорода появились за счёт эвакуированных градообразующих предприятий, перенесённых в тыл (Верхний Уфалей, Димитровград, Куса, Шадринск, Усть-Катав, Чебаркуль).

В послевоенное время 1950-1960 гг. был взят курс на восстановление и дальнейшее развитие промышленности, создание тепло-, гидроэлектростанций (Волгореченск, Новомичуринск), предприятий по добыче полезных ископаемых и их переработки (Мегион, Нефтегорск, Нефтеюганск). Поэтому места создания моногородов выбирались не в связи с наличием социальной инфраструктуры, а максимально близко к местам нахождения ресурсов, что продолжило освоение Сибири и Урала. Это проявилось в усилении конструктивистского подхода, используемого при создании моногородов, продвигая задачу «конструирования» их окружающей среды и активно

направляющей жизненные процессы.

Реализация оборонной, атомной и космической политики СССР выразилась в необходимости создания закрытых моногородов (ЗАТО), где было предусмотрено размещение только этих видов производства (Арзамас-39, Курчатов, Ленинск (Байконур), Снежинск. Красноярск-26, Томск-9).

Развитие научно-технического потенциала СССР создало все условия для создания другой категории моногородов – наукоградов (Дубна, Зеленоград, Обнинск, Протвино, Троицк, Черногоровка и др.).

В 1990-е годы создание моногородов прекратилось и это связано, как с переходом к рыночной экономике и сменой устройства страны, так и с окончанием политики освоения новых территорий России.

С учётом изложенного, автором была предложена модель функционирования моногородов, основанная на цепочке связей трёх уровней – социальных, экономических и административных. Согласно которой проблемное поле функционирования моногородов можно сегментировать в зависимости от степени деформации этих связей и возможности предупреждения негативных последствий. Это легло в основу функциональной модели деформации моногородов в настоящее время, которая является инструментом для анализа проблем моногородов и может быть использована для целей их классификации.

В параграфе 1.3 – **«Подходы к классификации моногородов России»** - для определения критериев классификации моногородов были использованы различные показатели (величина, численность, плотность населения, структура занятости, уровень социальной инфраструктуры, градообслуживающие и градообразующие факторы). Классификация, с одной стороны, позволяет в диссертационном исследовании структурировать множество моногородов, а с другой – выявить основные критериальные факторы, дающая возможность не только анализировать текущий статус, но и строить прогнозы. В пределах этой парадигмы необходимо проанализировать существующие подходы к классификации моногородов - *географический, социологический, статистический, экономический, комплексный и оценить их возможность применения для дальнейшего системного анализа.*

В рамках *географического подхода* основными критериями являются классификация моногородов по федеральным округам и степени удалённости от агломераций и мегаполисов.

В рамках *социального подхода* основными критериями выступают благополучие, качество и уровень жизни населения моногородов.

В рамках *статистического подхода* основным критерием является численность населения моногородов.

В рамках *экономического подхода* основными критериями являются –экономическая составляющая моногородов, отраслевая принадлежность градообразующих предприятий с выделением градообразующих и градообслуживающих факторов.

В рамках *комплексного подхода* основными критериями являются зоны социально-экономического развития моногородов и проблемы, возникающие в развитии этих территорий.

Все выделенные подходы и признаки были использованы в последствии в «прикладных» классификациях, которых на основании разных критериев/признаков существует множество, основные из них в ходе проведения исследования были проанализированы и применены к анализу и ранжированию 319 моногородов. Было выявлено, что они являются недостаточными для проведения системного анализа, так как в одну классификационную группу можно отнести моногорода с разным статусом, социально-экономическим положением, проблемами, что на наш взгляд относится больше к недостаткам, чем к достоинствам. Так же данные классификационные подходы не позволяют учесть зависимость моногородов от уровня связей. Практически все рассмотренные классификации носят прикладной характер (в зависимости от целей и задач) и ни одна не позволяет в полной мере учесть все множество параметров, структурирующих моногород.

На основании рассмотренных подходов к классификации моногородов, было предложено использовать авторский комплексный подход, включающий 3 классификационных признака (географический, демографический, социально-экономический) и 11 критериев: степень удалённости; способ зарождения; тип развития территории; численность населения; численность трудовых ресурсов; миграционный и естественный прирост; уровень безработицы; темп роста выручки градообразующих

предприятий; темп изменения доходов/расходов местных бюджетов и доли градообразующего предприятия в формировании местного бюджета; темп изменения заработной платы, доходов, пенсий, качества жизни населения, количества вакансий; обеспеченность социально-культурной средой. Это позволило включить в оценку социально-экономического положения моногородов связи 1-3 уровней (экономические, административные и социальные) через взаимодействие моногорода и градообразующего предприятия.

На основании, предложенной автором комплексной классификации выбраны 6 моногородов (Норильск, Нижний Тагил, Нерюнгри, Пикалево, Чебаркуль и Череповец), которые относятся к разным зонам социально-экономического положения и различаются между собой: зелёная зона (динамично развивающиеся) - Норильск, Нижний Тагил, жёлтая (проблемные) - Нерюнгри, Чебаркуль, красная (сложные) - Пикалево, Череповец.

Во второй главе **«Векторы изменения социально-экономического положения моногородов России»** выявлены основные проблемы социально-экономического развития моногородов, которые рассмотрены на основании общих, доступных и открытых данных, но также на примере применённой выборки из шести моногородов по их реальному социально-экономическому положению. Социально-экономическое развитие рассматривается как особый тип социальных и экономических изменений, которые повышают способность социальной общности к функционированию в динамичном окружении. Это позволяет проводить полный комплексный анализ моногородов, особо выделяя проблемы их социального развития, охватывая вопросы трансформации общественных отношений и взаимодействия социально-экономических и социально-культурных процессов.

В параграфе 2.1 – **«Демографические и трудовые ресурсы моногородов»** проводится анализ демографических и трудовых ресурсов как моногородов в целом по России, так и применительно к выборке 6 моногородов по трём зонам.

К 2020 г. число моногородов и численность населения в них за последние 40 лет сократилась более чем в три раза под воздействием целого ряда факторов: административных изменений в статусах, как самих моногородов, так и близлежащих территорий с 1990 г., закрытия и банкротства градообразующих предприятий, снижения объёмов выпускаемой продукции и отсутствия

государственных заказов, объединения поселков с близлежащими индустриальными моногородами, урбанизации и миграции трудовых ресурсов, отсутствия инвестиций, бюджетного финансирования, снижения качества социальной сферы и инфраструктуры, социального благополучия, качества и уровня жизни населения, что связано с разрывом связей 1-2 уровней (экономический и административный).

По данным Росстата и Фонда развития моногородов по состоянию на начало 2020 г. в 319 моногородах проживало около 13 млн человек (в 2016 г. 13,508 млн чел., в 2019 г. 13,469 млн чел.), что составляет 9,2 % населения России, где каждый третий из проживающих в моногородах – житель моногорода красной зоны.

На основе проведённого анализа основных демографических показателей и трудовых ресурсов за 2008-2019 гг. по сделанной выборке моногородов в соответствии с предложенной зональностью было выявлено, что отрицательную динамику во всех трёх зонах имеют: численность населения (кроме Норильска (1%), Нерюнгри (26%) и Череповца (16%)), естественный прирост (кроме Норильска (1250 чел.) и Нерюнгри (44 чел.), миграционный прирост (кроме Чебаркуля (474 чел.)).

Численность трудовых ресурсов в моногородах за период 2016-2020 гг. сократилась в среднем на 7,8%, а в целом по России на 2,7% больше и составляет 10,5%.

Динамика численности трудовых ресурсов в выборке показала разнонаправленные тенденции, так в зелёной зоне - снижение от 48% в Норильске и 64% в Нижнем Тагиле, в жёлтой зоне - снижение на 80% в Нерюнгри и незначительный рост в Чебаркуле на 2%, в красной зоне – снижение в Пикалево на 67% и рост в Череповце на 15%, при этом низкая зависимость моногородов от градообразующих предприятий отмечена в моногородах жёлтой зоны -Нерюнгри (8%) и Чебаркуль (21%), самая высокая в зелёной зоне - Норильск (54%) и красной зоне – Пикалево (38%). Коэффициент напряжённости на рынке труда, отражающий спрос на рабочую силу из расчёта количества желающих на одну вакансию, во всех трёх зонах примерно одинаков и варьируется от 0,4 до 2,1, исключения составляет Пикалево в 2008-2010 гг. (27,4) и Нижний Тагил в 2008 г. (8,5), что обусловлено разрывом связей 1-го уровня, связанных с экономическими проблемами на градообразующих предприятиях.

Динамика уровня безработицы в моногородах имеет тенденцию снижения на 39% за период 2008-2020 гг., тем не менее, уровень безработицы в моногородах на 20 % выше, чем в целом по стране, при этом динамика регистрируемой безработицы в моногородах жёлтой и зелёной зоны ниже среднего показателя безработицы, как по России (на 9%), так и в целом в моногородах (на 34%), что также связано с особенностями связей 1 уровня. В моногородах красной зоны напротив, наблюдается высокий уровень безработицы в 2008-2010 гг., так в Пикалево максимальное значение отмечено на уровне 8,1%, что обусловлено разрывом связей 1 уровня (закрытие градообразующих предприятий и высвобождение рабочей силы).

Для всех моногородов свойственен монополистический рынок труда с несовершенной конкуренцией и преобладанием одного работодателя (градообразующего предприятия), где оптимистичная модель поведения градообразующего предприятия характерна для моногородов зелёной зоны – Норильск и Нижний Тагил, прогрессивная и выжидательная модель отмечены в жёлтой зоне - Нерюнгри и Чебаркуль, в красной зоне пессимистичная модель в Пикалево и выжидательная в Череповце.

Комплексный демографический критерий не позволяет однозначно ранжировать моногорода по красной/жёлтой/зелёной зонам, поэтому актуальным является предложенный многокритериальный подход и модель оценки на его основе, т.к. во всех моногородах наблюдается разрыв связей трёх уровней функциональной модели.

Параграф 2.2 – **«Изменения социального благополучия населения моногородов»** подтверждает и показывает зависимость функционирования моногородов от трёх уровней связей, разрыв/деформация которых негативно отражается на уровне социально-экономического положения населения. Поэтому социально-экономический критерий также, как и демографический, является одним из трёх основных классификационных признаков, во многом определяющий отнесение моногорода к красной/жёлтой/зелёной зонам и включает в себя показатели, позволяющие оценить благополучие и качество жизни населения моногородов, которое как социологическая категория, выражает степень удовлетворения горожан материальными и культурными потребностями – уровнем доходов, доступностью образования,

здравоохранения, сферы обслуживания, культуры, спорта, а также качество и комфортность жилья, услуг ЖКХ, окружающей среды, досуга, творческого труда, уровня стрессовых состояний.

Для анализа и оценки социального благополучия населения выбранных моногородов были использованы критерии, соответствующие третьему классификационному признаку (социально-экономическому) согласно предложенной комплексной классификации моногородов. Первые три критерия имеют положительную динамику во всех трёх зонах: объем выручки предприятий увеличился от 175% в Череповце до 380% в Нижнем Тагиле и 405% в Нерюнгри, доходы/социальные расходы местных бюджетов – в зелёной зоне от 59%-163%/6%-27%, в жёлтой зоне – 41%-85%/16%-33%, в красной зоне – 48%-142%/5%-16% соответственно, что соответствует особенностям связей 1-2-го уровня.

Следующие критерии, характеризуют связи 3-го уровня (социально-экономические), позволяют дифференцировать анализируемые моногорода по зонам в зависимости от социально-экономического положения населения.

Уровень прожиточного минимума низкий во всех трёх зонах (10,4-11,7 тыс. руб.) за исключением Норильска (16,9 тыс. руб.) и Нерюнгри (17,7 тыс. руб.), на величину которого влияет региональный коэффициент. Уровень пенсий в моногородах красной зоны отмечен на среднем уровне (14,5 тыс. руб.), в жёлтой - высокий в Нерюнгри (18,9 тыс. руб.) и низкий в Чебаркуле (13,9 тыс. руб.), в зелёной - выше среднего (15 тыс. руб.).

Средний уровень заработной платы и номинальных доходов населения более высокий в моногородах зелёной зоны (80/30,5 тыс. руб.), средний - в жёлтой (60/27 тыс. руб.), низкий - в красной зоне (50/25 тыс. руб.).

Доля населения, получившего жилье - высокая в моногородах зелёной зоны и низкая в жёлтой и красной зонах, при этом, отмечена более высокая оценка качества жилья в красной и жёлтой зонах, чем в зелёной. Обеспеченность жильём из расчёта квадратных метров в красной зоне выше (24-32м²), чем в жёлтой и зелёной зонах (24м²). Услугам ЖКХ дана высокая оценка во всех трёх зонах, удовлетворённость дошкольным и средним образованием в моногородах зелёной зоны выше, чем в остальных зонах, при это отмечено наличие очередей на получение мест в

детские сады во всех трёх зонах (кроме Норильска и Пикалево). Обеспеченность населения анализируемых моногородов во всех трёх зонах государственными медицинскими учреждениями имеет положительную динамику без сокращения объектов точечной социальной инфраструктуры. Тем не менее, продолжительность жизни населения во всех трёх зонах ниже (71,16 г.), чем в целом по стране (73,3 г.), а количество профзаболеваний выше (особенно в Норильске), что связано со сложной экологической ситуацией в моногородах.

Социальные проблемы населения моногородов связаны с экономической нестабильностью градообразующих предприятий, которые отражаются на уровне доходов, заработных плат, пенсий, прожиточного минимума. Например, отношение прожиточного минимума к среднемесячной заработной плате трудоспособного населения варьируется в диапазоне 12-37% и свидетельствует о лучшем материальном положении и благосостоянии работающего населения, чем у остальных граждан, что подчёркивает социальное неравенство. По уровню заработных плат (динамике и темпам роста) анализируемые моногорода относятся к разным зонам, где уровень в зелёной зоне (Норильск, 110 тыс. руб.) в разы выше, чем в моногородах жёлтой и красной зоны (30-50 тыс. руб.). Хуже выглядит отношение прожиточного минимума к среднемесячным доходам населения во всех трёх зонах, где 36-55% от доходов занимает прожиточный минимум, что способствует возрастанию недовольства, социальной напряжённости и неуверенности в завтрашнем дне среди населения.

В процессе исследования установлено, что благополучие населения, качество и уровень жизни в моногородах зелёной зоны (Норильск и Нижний Тагил) выше, чем в красной (Пикалево и Череповец) и жёлтой (Нерюнгри и Чебаркуль) зонах.

Параграф 2.3 – **«Социально - культурные проблемы развитие моногородов»** позволил с учётом уровней связей функциональной модели выявить социально-культурные проблемы и глубже их проанализировать на основе демографических и социально-экономических показателей, а также ключевых факторов, определяющих благополучие, качество и уровень жизни населения моногородов.

Культурная жизнь является одной из сторон социальной жизни человека и рассматривается как особая форма организации и

регулирования его жизнедеятельности. Благодаря влиянию культуры, жизнедеятельность наполняется смыслом. М. Вебер отмечал феномен культуры, рассматривая её в непосредственной связи с субъективным смыслом, которым люди в своей повседневной жизни наделяют её предметы, объекты, события. Они становятся феноменом культуры, если значимы для познающего субъекта, т.е. соотносятся с его ценностями.

Социально-культурные проблемы моногородов обусловлены особенностями их функционирования как социальной общности, с одной стороны, а с другой стороны – сложного комплекса социально-экономических связей с градообразующим предприятием, где благополучие и удовлетворённость качеством жизни населения формируется за счёт отношения социальных групп к своим потребностям и социальным институтам.

Анализ данных социологических исследований, используемых в диссертации, а также проведённый комплексный анализ позволил выделить основные социально-культурные проблемы, волнующие население моногородов во всех трёх зонах.

Культурная жизнь в моногородах связана с важной особенностью - «провинциальностью» населения, что в основном определяется удалённостью от крупных агломераций, федеральных и региональных центров, что определялось этапами создания моногородов - первоначально строилось градообразующее предприятие, а затем возводилось жильё для рабочих и их семей со стандартной социальной инфраструктурой.

Обеспеченность населения моногородов учреждениями культуры только в моногородах красной зоны по официальным данным не превышает 70% от нормативных показателей, но на основании открытых данных интернет-источников во всех трёх зонах отмечается нехватка учреждений культуры - в Чебаркуле и Пикалево нет театров, театров-студий и киностудий, в Нерюнгри (на 57,9 тыс. жителей) функционирует только 1 театр кукол, а в Норильске (на 182,5 тыс. жителей) открыт только 1 театр. Наличие одних типов объектов социальной инфраструктуры не может восполнить культурную жизнь и качественный досуг населению при отсутствии других.

Обеспеченность парками культуры и отдыха в моногородах (всех трёх зон) не позволяет жителям полноценно проводить свой досуг - в Норильске из-за природно-климатических особенностей

арктической зоны и географического расположения моногорода, уровень обеспеченности равен нулю, а в Чебаркуле и Череповце не превышает 40%.

Экологическая культура в моногородах обостряется негативными воздействиями на окружающую среду, что выражается в сложной экологической ситуации в моногородах, росте профзаболеваний и низкой продолжительности жизни населения. Данная проблема остро стоит во всех трёх зонах, где самыми загрязнёнными моногородами являются: Норильск (1 место в России) и Нижний Тагил (16) – зелёная зона, Череповец (4) – жёлтая зона, в Череповце и Пикалево (красная зона) уровень загрязнения также превышает допустимые нормы. Особенно высокие показатели профессиональной заболеваемости зарегистрированы в зелёной зоне (Норильск и Нижний Тагил) на предприятиях по добыче металлических руд – 40,5% и в красной зоне (Череповец) – 80% трудоспособного населения.

Проблема реализации социальной политики по развитию физической культуры и спорта, направленная на поддержание и развитие здорового образа жизни населения отмечена во всех трёх зонах. Доля населения, систематически занимающегося спортом, не превышает 42% и за исследуемый период в динамике не увеличилась. Сказывается недостаточность участия градообразующих предприятий в социально-культурной жизни населения моногородов - все мероприятия проводятся с максимальным PR-эффектом, и как правило, связаны с развитием детского спорта и творчества. Многие из них проводятся в других регионах и городах, тогда, как самим моногородам необходима прямая помощь по содержанию и развитию точечной социальной инфраструктуры. Например, ПАО «Норникель» только за 2016-2019 гг. инвестировал в развитие горного курорта краснодарского края «Роза Хутор» 250,5 млн долл. и в период 2021-2023 гг. будет выступать спонсором программы развития Российского футбольного союза, но при этом градообразующее предприятие не торопится выплатить ущерб порядка 86 млн долл. за экологическую катастрофу, произошедшую в 2020 г. из-за разлива топлива и модернизировать производственные очистные сооружения, чтобы сделать жизнь населения Норильска лучше и чище.

Данное диссертационное исследование позволило глубже и комплексно посмотреть на тенденции (векторы) социально-

экономического развития моногородов и их социально-культурные проблемы по сделанной выборке трёх зон (красной/жёлтой/зелёной) на основе эмпирических данных и их интерпретации в соответствии с применёнными методами исследования.

В заключении подведены общие итоги проведённого исследования, сформулированы основные выводы.

Список публикаций автора по теме диссертации

Публикации в журналах, включённых в Перечень рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Пятшева Е.Н. Устойчивое развитие моногородов как фактор стабилизации экономики России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2012. - № 12. – С. 46-54 (0,56 п. л.).

2. Пятшева Е.Н. Социальная структура занятости в условиях моногородов России // Социология. – 2021. - № 5. – С. 150-157 (0,44 п. л.)

3. Пятшева Е.Н. Социально-экономические особенности развития моногородов России // Вестник РГГУ, серия «Философия, Социология, Искусствоведение» – 2021. – № 3. - С. 73-83 (0,69 п. л.)

Публикации в других изданиях:

4. Пятшева Е.Н. Моногорода и их развитие // Труды XIV Чаяновских чтений «Экономика города: новые уровни развития», - М.: РГГУ, - 2014. – С.109-113 (0,29 п.л.)

5. Пятшева Е.Н. Государственная поддержка моногородов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2016. - № 13. – С. 9-23 (0,8 п. л.).

6. Пятшева Е.Н. Моногорода и их развитие // Труды XVII Чаяновских чтений «100-летие русской революции: социально-экономические итоги и перспективы развития России в XXI веке», - М.: РГГУ, - 2017. – С.107-110 (0,24 п.л.)

7. Пятшева Е.Н. Стратегия социально-экономического развития моногородов России // Труды XVIII Чаяновских чтений «Экономика России: стратегические задачи и пути их достижения», - М.: РГГУ, - 2018. – С.147-152 (0,35 п.л.)

8. Пятшева Е.Н. Приоритетная программа социально-экономического развития моногородов России // выпуск 14. Научное обозрение «Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт» - М.: ООО ИПЦ «Маска», 2018. – С.65-69 (0,31 п.л.)

9. Пятшева Е.Н. Комплексное развитие моногородов – ориентир для успеха экономики России // выпуск 15 Научное обозрение «Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт» - М.: ООО ИПЦ «Маска», 2018. – С.57-62 (0,31 п.л.)

10. Пятшева Е.Н. Моногорода Дальневосточного региона: особенности развития ТОР // выпуск 18 Научное обозрение «Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт» - М.: ООО ИПЦ «Маска», 2018. – С. 25-31 (0,31 п.л.)

11. Пятшева Е.Н. Моногорода - новые возможности для бизнеса // Стратегические задачи макроэкономического регулирования и пространственного развития: Сборник научных трудов // – Орёл: ОрелГУЭТ, 2018. – С. 112-118 (0,54 п.л.)

12. Пятшева Е.Н. Особенности социально-экономического развития регионов и моногородов России // Труды XIX Чаяновских чтений «Экономика России: новые реалии и перспективы развития», - М.: РГГУ, - 2019 – С.147-152 (0,35 п.л.)

13. Пятшева Е.Н. Особенности формирования бюджетной политики моногородов России // выпуск 5 (24) Научное обозрение «Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт» - М.: ООО ИПЦ «Маска», 2019. – С. 38-44 (0,31 п.л.)

14. Пятшева Е.Н. Особенности функционирования моногородов России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2019. - № 2. – С 18-35 (1,125 п. л.)

15. Пятшева Е.Н. Новая программа устойчивого развития моногородов России // Труды XX Чаяновских чтений «Экономика России: новые реалии и стратегии развития», - М.: РГГУ, - 2020. – С.256-264 (0,35 п.л.)

16. Пятшева Е.Н. Оценка эффективности создания ТОР в моногородах // Труды XXI Чаяновских чтений «Экономика постковидного периода: проблемы и перспективы», - М.: РГГУ, - 2021. – С. 184-191 (0,35 п.л.)